МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК В ТОМСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ:
120 ЛЕТ ИСТОРИИ УСПЕХА**

Материалы III Международного научного форума

12–14 октября 2021 г.

Томск
Издательство Томского государственного университета
2021

И.А. Подгорный

*Национально-исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия
e-mail: podgornyy.94@mail.ru*

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЙ В ПЕРЕВОДЕ
В. ДОББЕРТА «VERSTAND BRINGT LEIDEN»**

Аннотация. В статье представлены результаты анализа немецкого перевода комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума», выполненного В. Доббертом, на предмет отображения национально-культурных реалий (топонимов, антропонимов, исторических фактов и т.д.). Выявлены основные закономерности и особенности передачи национально-культурных реалий.

Ключевые слова: Грибоедов, национальные реалии, перевод, Добберт

I.A. Podgornii

*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia
e-mail: podgornyy.94@mail.ru*

**TRANSLATION FEATURES OF NATIONAL
AND CULTURAL REALITIES IN THE TRANSLATION
BY V. DOBBERT «VERSTAND BRINGT LEIDEN»**

Abstract. The article presents the results of a comparative analysis of the comedy translation by A.S. Griboyedov «Gore ot uma», performed by V. Dobbert, for the display of national and cultural realities (toponyms, anthroponyms, historical facts, etc.). The main patterns and features of the translation of national and cultural realities are revealed.

Keywords: Griboyedov, national realities, translation, Dobbert

Вот уже почти две сотни лет умы переводчиков во всем мире волнует вопрос перевода комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума», с самого своего появления и по сей день, комедия неоднократно становилась

источником для переводов, будучи, при этом, не самым лёгким материалом для воспроизведения на ином языке. Одним из изданных в середине XX в. переводов «Горя от ума» является перевод В. Добберта «Verstand bringt Leiden». К нему, а точнее, к отражённым в нем национально-культурным реалиям мы и обратимся сегодня.

Прежде всего нужно понять, что же представляет собой национальная реалия. Согласно толковому переводческому словарю, это – «предметы, явления, традиции, обычаи, составляющие специфику данной социальной общности, этнической группы. Реалиями называют слова и словосочетания, обозначающие их. Большинство национальных реалий относится к безэквивалентной лексике» [1. С. 118].

С. Влахов и С. Флорин в работе «Непереводимое в переводе» пишут следующее: «Что касается основного вопроса – реалия ли это в данном контексте, то следует признать, что однозначно ответить на него нельзя; он решается переводчиком в каждом отдельном случае с привлечением всех знаний и немалой дозы интуиции» [2. С. 34].

Существует большое количество различных классификаций национальных реалий, в частности обширная классификация, предложенная С. Влаховым и С. Флориным [2. С. 47–78], однако в этой работе мы предлагаем свою классификацию, адекватную исследуемому материалу.

Нами было выделены следующие группы национальных реалий: топонимы; антропонимы; исторические факты; художественные произведения; общественно-политические и военные термины; термины и реалии, относящиеся к быту; просторечие, ситуативные употребления слов. Все эти группы в совокупности представляют собой значительный национально-культурных пласт комедии, содержащий в себе скрытые смыслы и подтексты, что усложняет работу переводчика.

Остановимся подробнее на некоторых из выделенных нами групп. Топонимы в комедии представлены названиями нескольких улиц в Москве и Санкт-Петербурге, а также названиями трёх городов (Твери, Саратова и прилагательного, образованного от Нижнего Новгорода). Кузнецкий Мост упоминается в тексте комедии дважды. Эта улица, расположенная в самом центре Москвы, является одной из старейших улиц нынешней столицы. После указа Екатерины II о привилегиях иностранцам Кузнецкий Мост заполнили лавки французских торгов-

цев (зачастую модные), что превратило эту улицу в оплот западноевропейской моды [3. С. 60–72]. Даже после Отечественной войны 1812 года, пошатнувшей русскую галломанию, французские магазины быстро вернулись на Кузнецкий Мост [4. С. 116], что вызывало недовольство у консерваторов-монархистов (к коим можно отнести Фамусова), так как считалось, что вместе с модой на Кузнецком Мосту распространяются вольнодумие и свободные нравы: «...Вот он, Кузнецкий мост, наряды и обновы; // Там выучилась ты любовников сводить...» [5. С. 121].

Покровка также является одной из старейших улиц в самом сердце Москвы. Здесь располагались дома многих знатных семей. В комедии Хлестова жалуется, что ехала в дом Фамусовых «час битый» [5. С. 82], что указывает на его удалённость от центра Москвы.

Набережная реки Фонтанки или Фонтанка (как в комедии) также является центральной улицей, но уже Санкт-Петербурга. В XVIII–XIX в. на улице располагались дома самых знатных особ Петербурга (столицы), в том числе Аничков дворец, дворец Нарышкиных-Шуваловых, дворец Шереметьевых, дом Голицина, а также важные учреждения, такие как Петербургское училище ордена Святой Екатерины, Летний сад и прочие. Постройка или покупка дома на Фонтанке означала приобретение определённого статуса в глазах общественности, чего и добивался Репетилов, желая жениться на дочери знатного барона фон Клоца, метившего в министры: «...Барон фон Клоц в министры метил, // А я // К нему в зятя» [5. С. 108].

Саратов упоминается в комедии, в контексте «глуши»: «...в деревню, к тётке, в глушь, в Саратов...» [5. С. 121] угрожает Софье Фамусов, однако в XIX веке Саратов не был таким уж глухим местом. Он был довольно крупным и считался одним из центров торговли зерном, однако его географическая удалённость от политико-культурных центров России (Москвы и Санкт-Петербурга), а также нахождение в стороне от основных транспортных путей (между Москвой и Санкт-Петербургом) привело к тому, что новости доходили до Саратова по два года. Поэтому для юной Софьи это сулило оторванность от светской жизни, в придачу к суровой тётке и «жизни по святам».

Тверь, наоборот, располагалась на дороге между Санкт-Петербургом и Москвой, что делало её важным транспортным пунк-

том. По одной из версий Фамусов повстречал Молчалина в одном из постоянных дворов Твери, где тот мог быть сыном хозяина, и либо сам или его отец оказали Павлу Афанасьевичу услугу, за что Фамусов посодействовал переводу Молчалина в Москву [6]: «...В Москву переведён через моё содействие; // И будь не я, коптел бы ты в Твери» [5. С. 20].

Смешение французского с нижегородским произошло по причине эвакуации московской знати (для большей части которой французский был роднее русского) в Нижний Новгород во время событий 1812 года [6].

Среди антропонимов в комедии наибольшую значимость представляют имена двух российских императриц – Екатерины I и Екатерины II. Данные упоминания кажутся неслучайными, так как демонстрируют образ женской российской государственности. Также каждая из исторических фигур играет свою определённую роль. Екатерина I упоминается в «Горе от ума» ради комического эффекта, так как чтобы быть «фрейлиной Екатерины Первой» [5. С. 29] (умершей в 1727 году), тётушке нужно было иметь возраст свыше ста лет. Таким образом Грибоедов устами Чацкого в язвительной форме намекает на преклонный возраст, на что указывает и С.А. Фомичев в своем «Комментарии» [7. С. 670].

Екатерина II упоминается как «государыня Екатерина». Фамусов превозносит императрицу «Век при дворе, да при каком дворе! Тогда не то, что ныне, // При государыне служил Екатерине...» [5. С. 39]. Упоминание именно Екатерины может быть связано с тем, что на момент создания комедии она являлась последней знаковой императорской фигурой (Павел I и Александр I не имели такой репутации, как Екатерина Великая), во время её правления наблюдается ряд побед на международной арене. Лично для Фамусова именно образ Екатерины мог играть знаковую роль, так как на период её правления пришлось детство и юность Павла Афанасьевича.

Помимо прочего в тексте комедии также присутствуют упоминания исторических фактов, таких как даты и названия битв (штурм Очакова 1788 года, 1813 год), событий (пожар в Москве 1812 года), принятие важных законов и прочее.

В «Горе от ума» представлены и отсылки к другим прецедентным художественным (и не только) текстам культуры, стихотворениям

Г.Р. Державина и В.А. Жуковского, опере Б. Галуппи «Покинутая Дидона» и современной произведению периодике. Кроме того, на страницах пьесы встречаются различные термины, должности и элементы речи и быта, которые требуют внимания переводчика, так как они вносят вклад в целостный образ комедии А.С. Грибоедова. При работе над передом необходимо было обладать значительными познаниями в истории, литературе, культуре и быте и географии Российской Империи как начала XIX века, так и более ранних времен.

Нужно отметить, что перевод В. Добберта был опубликован в 1956 году, ещё до появления «Комментариев» С.А. Фомичева и А.Л. Гришунина.

При переводе топонимов В. Добберт прибегал как к транслитерации (*Fontanka*), так и к транскрибированию имён собственных (*Tverj*). Переводчик отразил в «*Verstand bringt Leiden*» все случаи употребления топонимов, кроме упоминания Покровки.

Отдельного внимания заслуживает перевод отрывков комедии с упоминанием Кузнецкого Моста. При первом упоминании в комедии ...*А всё Кузнецкий мост, и вечные французы...* [5. С. 19] даётся указание на присутствие в этом месте выходцев из Франции, однако причина их присутствия там, как и причина для обвинений Фамусова не даётся, современники могли понять её самостоятельно, без дополнительных комментариев. В этом случае В. Добберт прибегает к лексическому добавлению: ...*Und Bücherläden am Kusnetzki Most...* ‘...и книжные магазины на Кузнецком мосту...’ [8. S. 7], что проясняет присутствие французов в районе Кузнецкого Моста (книжные лавки) и недовольство Фамусова: по его убеждению, Софья читает французские романы, приобретённые как раз на этой улице. Второй раз Кузнецкий Мост упоминается в реплике Фамусова: ...*Вот он, Кузнецкий мост, наряды и обновы...* [5. С. 121], где акцент делается уже на моду. Переводчик передаёт это как ...*stets am Kusnetzki Most, stets neue Moden...* ‘...всегда на Кузнецком мосту, всегда новые моды...’ [8. S. 68]. Так как фраза обращена к Лизоньке, то к уже имеющимся смыслам добавляется следующий: Фамусов считает, что Лизонька слишком много времени проводит на Кузнецком мосту.

Другим примечательным моментом является передача фразы ...*Господствует ещё смешенье языков: Французского с нижегород-*

ским? [5. С. 30], которая в тексте В. Добберта приобретает следующую форму: ...*Das Sprachgemisch von einst, in dem erklang teils Nishnij Nowgorod und teils Paris?* ‘...Прежняя языковая смесь, в которой звучали отчасти Нижний Новгород и отчасти Париж?’ [8. S. 15]. Автор уходит от употребления прилагательного *нижегородский* и заменяет его названием города (*Nishnij Nowgorod*), также автор заменяет *французский* на *Paris*, тем самым уравнивая представленное в предложении сопоставление. В противном случае у читателей могло возникнуть ощущение, что нижегородский – некий самостоятельный язык, раз он стоит в паре с французским.

При рассмотрении вариантов перевода антропонимов сразу бросается в глаза, что В. Добберт использует для перевода имени *Екатери-на* немецкий вариант имени (*Katharina*), хотя в случае других имён он чаще использует транскрипцию и транслитерацию (*Александр* – *Alexandr*, *Софья* – *Soffja*). Это можно объяснить тем фактом, что личность Екатерины II хорошо известна в Германии и имеет определённую закреплённую форму при переводе. Второй особенностью является тот факт, что при переводе второго случая употребления имени *Екатерина*: ...*При государыне служил Екатерине...*, В. Добберт не указывает на то, что речь идёт уже о другой императрице – Екатерине II (...*denn seine Kaiserin war Katharina...* ‘...потому что его императрицей была Екатерина...’ [8. S. 20]), а не о Екатерине I (*der ersten Katharina* [8. S. 14]), в связи с этим у человека, недостаточно осведомлённого об истории Российской Империи XVIII–XIX веков, может сложиться представление, что речь в этих отрывках идёт об одной Екатерине I.

При переводе упоминаний исторических фактов наблюдается тенденция к лексическому добавлению для отражения дополнительных смыслов. Например, ...*в тринадцатом году...* [5. С. 45] передаётся как ...*Es war im Kriege Achtzehnhundert dreizehn...* ‘...Это было в войне восьмьсот тринадцатого...’ [8. S. 24], где при помощи добавления слова *Krieg* ‘война’ переводчик сообщает дополнительную информацию, о каких событиях 1813 года идёт речь. Так происходит и в случаях с передачей ... *под великим итрафом...* [5. С. 29] и ...*За третье августа, засели мы в траншею...* [5. С. 45], где В. Добберт даёт пояснения с помощью слов *ein Gesetz* ‘закон’ и *hartem Kampf* ‘тяжёлая борьба’. Однако, в последнем случае, В. Добберт, не обладающий той инфор-

мацией, которую знали современники Грибоедова, не смог отразить значение фразы полностью: третьего августа не было никакого сражения, этот день – дата встречи Александра I с Францем II, которая ознаменовалась множеством наград для служащих [6]. Так что А.С. Грибоедов упомянул точную дату для добавления комичности личности Скалозуба.

Некоторые другие национальные реалии также утрачивают часть смысла, например, фраза ...*В работу вас, на поселенье вас...* [5. С. 121], которая была переведена как ...*Doch ich verschicke euch zur Zwangsarbeit...* ‘...Но я отправляю вас на принудительные работы...’ [8. S. 68], слово *Zwangsarbeit* ‘принудительные работы’ не может передать полного значения фразы, так как не указывает на высылку в Сибирь.

При передаче интертекстов лишь один элемент был взят в кавычки, при этом этот же элемент: ...*отрывок, взгляд и нечто...* [5. С. 106] воспринимается В. Доббертом как единое название: ...*Ein Fragment, Aspekt und etwas...* ‘...Фрагмент, аспект и что-то...’ [8. S. 60]. Тем не менее, переводчик правильно идентифицирует их как *Aufsatz* ‘статья’.

При передаче других групп национальных реалий наблюдается применение различных переводческих приёмов: конкретизации (*нономарь* [5. С. 36] – *ein Kirchendiener psalmodier* ‘псаломщик-служитель церкви’ [8. S. 19]), описательного перевода (*отдушник* [5. С. 44] – *die Klappe an dem Ofen* ‘заслонка на печи’ [8. S. 24]), транслитерации (*верст* [5. С. 27] – *Werst* ‘верст’ [8. S. 13]).

Подводя итог, необходимо отметить, что перевод В. Добберта демонстрирует широкий набор приёмов для передачи национально-культурных реалий в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума». В тексте перевода прослеживаются как черты, общие для всех рассмотренных нами немецких переводов XX в. (например, отсутствие переводческих комментариев, использование транскрипции и транслитерации для передачи имён собственных), так и особенности, не характерные для раннее рассмотренных переводов. Например, можно обратить внимание на широкое употребление лексических добавлений для передачи дополнительных внетекстовых смыслов, что говорит о значительной информированности переводчика о культурно-бытовых и исторических реалиях при работе над «*Verstand bringt Leiden*».

Литература

1. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М. : Флинта : Наука, 2003. 320 с.
2. Влахов С., Флорин С. Переводимое в переводе. М. : Международные отношения, 1980. 343 с.
3. Федосюк Ю.А. Москва в кольце Садовых. 2-е изд., перераб. М. : Московский рабочий, 1991. 496 с.
4. Никольский В.А. Старая Москва. Историко-культурный путеводитель. Л. : Брокгауз-Ефрон, 1924. 208 с.
5. Грибоедов А.С. Полное собрание сочинений : в 3 т. Т. 1: Горе от ума. СПб. : Нотабене, 1995. 345 с.
6. Гельфонд М. 7 секретов «Горя от ума». URL: <https://arzamas.academy/mag/417-gore> (дата обращения: 09.10.2021).
7. Фомичев С.А. Комментарии // Грибоедов А.С. Сочинения. М. : Художественная литература, 1988. С. 663–726.
8. Gribojedow A. Verstand bring Leiden in der Übersetzung von V. Dobbert. Berlin : Henschelverlag Kunst und Gesellschaft, 1956. 70 S.